

## Шокотерапия против градуализма: конец дискуссии

Успех реформ в постсоциалистических странах определяется не глубиной и скоростью либерализации экономики, а способностью государства выстроить сильные институты. Издержки же перехода в основном зависят от степени деформации исходных хозяйственных систем

*Владимир Попов (доктор экономических наук, Высшая школа международного бизнеса Академии народного хозяйства при правительстве РФ).*

Спор между сторонниками радикальных реформ и градуалистами - приверженцами постепенных преобразований, похоже, подходит к концу. Дискуссия о том, что лучше, быстрый или постепенный переход к рынку, теряет свой драматический накал и актуальность по мере того, как экономисты обеих школ осознают, что ломали копыя вокруг второстепенного вопроса - скорости реформ. Главную же проблему - способность государственных (и негосударственных) институтов обеспечить стабильные условия для функционирования рыночной экономики - фактически просмотрели и те, и другие.

Анализ показывает, что если учесть диспропорции в структуре хозяйства и во внешней торговле накануне перехода, то темпы либерализации не будут влиять на масштабы и характер динамики производства в течение переходного периода. Влияют же на них, причем весьма существенно, макроэкономическая политика (темпы инфляции) и эффективность институтов, измеряемая изменением доли госдоходов в ВВП и доли теневой экономики. Вместе с объективными условиями эти факторы экономической политики способны объяснить порядка 90% вариаций в динамике ВВП в переходных экономиках.

### Трудные вопросы

Главная идея радикального подхода к рыночным преобразованиям такова: чем больше степень либерализации, тем лучше должны обстоять дела в экономике. Среди необходимых составляющих "хорошей" политики обычно называют либерализацию цен и рынков, макроэкономическую стабилизацию (снижение инфляции до 40% в год и ниже), ограничение государственных расходов, приватизацию, открытость экономики (введение конвертируемости валюты и снижение торговых барьеров).

Факты на первый взгляд свидетельствуют в пользу такого подхода. Скажем, страны Центральной Европы, последовательно и неуклонно либерализующие свои экономики, показывают лучшие, чем у других, результаты. В Польше предкризисный уровень производства был превзойден в 1996 году, в Словении это произойдет в 1998 году, в Венгрии, Чехии, Словакии ВВП в 1997 году составил 90% и более от уровня 1989 года.

Напротив, в странах СНГ, которые в проведении рыночных реформ отстают от Центральной Европы и к тому же в течение 1992-1995 годов не могли сбить инфляцию, падение ВВП составило примерно 50% от предкризисного уровня 1989 года и продолжалось пять-восемь лет.

Если расширить круг стран, подтверждений тоже будет достаточно. Сравнительный анализ показателей примерно ста стран, проведенный на основе данных Всемирного банка, свидетельствует: если разбить эти страны на группы по таким критериям, как рост денежной массы и темпы инфляции, доля государственного потребления в ВВП, доля государственных предприятий в ВВП и уровень налогов на экспорт и импорт (в процентах к внешнеторговому обороту), то в группах "хороших" стран (с низкой инфляцией,

умеренными госрасходами, небольшим госсектором и невысокими торговыми барьерами) темпы роста ВВП на душу населения в последние десятилетия всегда были выше, чем в "плохих".

В странах со среднегодовой инфляцией более 40% (18 стран), с долей государственного потребления выше 20% ВВП (8 стран), с долей госпредприятий более 20% ВВП (11 стран) и с налогами на экспорт и импорт, превышающими 10% внешнеторгового оборота (17 стран), темпы роста ВВП на душу населения в последние два десятилетия были отрицательными или близкими к нулю.

В ежегодном (за 1996 год) докладе Всемирного банка, посвященном проблемам переходных экономик и, как традиционно считается, суммирующем доминирующую экономическую мудрость, проводится та же мысль: "Последовательная политика, сочетающая либерализацию рынков, торговли и создания новых фирм с разумной стабильностью цен, может достичь очень многого даже в тех странах, где нет четко определенных прав собственности и сильных рыночных институтов".

На уровне обобщений такие аргументы, возможно, и кажутся убедительными, однако более внимательный взгляд на конкретные примеры тотчас обнаруживает ряд несоответствий.

Во-первых, быстрый экономический рост в Китае в 80-90-е годы, где даже сейчас (не говоря уже о 80-х годах) показатели либерализации ниже, чем в странах Восточной Европы, явно не укладывается в описанную выше конструкцию. Больше того, отсутствие трансформационного спада в Китае, а также во Вьетнаме, где рыночные реформы привели к немедленному ускорению роста производства, не поддается однозначной интерпретации. Имеющиеся в литературе объяснения - высокая доля аграрного сектора, поставляющего дешевую рабочую силу в промышленность, или ориентация реформаторов на ускорение роста, а не на замену плановой экономики рыночной, как в Восточной Европе и бывшем СССР, - трудно признать исчерпывающими. Четкого понимания того, почему же все-таки Китаю и Вьетнаму не пришлось пережить падение производства на пути к рынку, как, скажем, Монголии и Албании, близко стоящим к Китаю и Вьетнаму по уровню экономического развития, до сих пор нет.

Во-вторых, Вьетнам после недолгих экспериментов с постепенными реформами "горбачевского" толка (1986-1989 годы) в марте 1989 года, на десять месяцев раньше Польши, запустил программу классической шокотерапии, одновременно дерегулировав 90% всех цен, девальвировав донг и заменив множественные обменные курсы единым. Никакого спада, однако, не последовало, напротив, экономический рост, как и в Китае, ускорился (до 7% в год в 90-е годы).

Получается примерно следующее: две соседние страны, имеющие схожий уровень развития, структуру хозяйства и экономическую культуру, продемонстрировали впечатляющую способность к экономическому росту в переходный период вопреки кардинальным, казалось бы, различиям в экономической политике: Китай следовал курсом постепенных реформ, долгое время поддерживая двухканальную систему цен и реализации, тогда как Вьетнам создал полноценный рынок товаров в ночь с воскресенья на понедельник. Значит ли это, что стратегия перехода не играет никакой роли?

В-третьих, сравнение экономической динамики в странах бывшего СССР тоже не укладывается в схему "больше либерализации - меньше спад производства". В самом деле, бесспорные лидеры либерализации - балтийские республики - имеют далеко не лучшие результаты: хотя в 1994-1995 годах экономический рост в регионе возобновился, в 1997 году ВВП составил лишь 44-76% от уровня 1989 года (см. таблицу 1). Эстония более или менее укладывается в либерализационную схему (и в альтернативную схему, предлагаемую в настоящей статье, тоже, о чем подробнее ниже), но Латвию и особенно Литву, где уровень производства все еще остается ниже предкризисного соответственно на 46% и 56%, даже с натяжкой трудно считать примерами успешной трансформации.

Таблица 1. ВВП на душу населения накануне реформ, изменение ВВП во время реформ, индекс либерализации и темпы инфляции

Эксперт, 1998  
оглавление

Таблица 1. ВВП на душу населения накануне реформ, изменение ВВП во время реформ, индекс либерализации и темпы инфляции

Страна	ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в 1987-1988 гг., % от уровня США	ВВП в 1996 г., % от уровня 1989 г.	Кумулятивный индекс либерализации к 1995 г.	Доля негосударственного сектора в ВВП в 1996 г., %	Инфляция в 1990-1995 гг., средняя геометрическая, % в год
Словения	33,3	95	4,16	45	62,1
Польша	21,4	104	4,14	60	34,9
Венгрия	28,9	86	4,11	70	22,3
Хорватия	30*	70	4,02	50	328
Македония	25*	55	3,92	50	397,9
Чехия	44,1	89	3,61	75	18,3
Вьетнам	2*	167	3,72	н. д.	26,3
Словакия	33*	90	3,53	70	16
Болгария	23,5	67	2,96	45	81,2
Эстония	29,9	71	2,93	70	151,4
Литва	33,8	42	2,62	65	241,4
Латвия	24,1	52	2,39	60	149,1
Румыния	22,7	88	2,35	60	158,4
Албания	6,8	85	2,30	75	76,4
Монголия	5	90	2,27	н. д.	126,7
Китай**	5,8	189	2,00	н. д.	4
Россия	30,6	57	1,92	60	517
Киргизия	13,5	57	1,81	50	337,3
Молдавия	22,4	35	1,62	40	355
Армения	26,5	37	1,44	50	896,6
Грузия	26,5*	31	1,32	50	2280,2
Казахстан	24,2	57	1,31	40	805,5
Узбекистан	12,5	85	1,11	40	628,4
Белоруссия	25,1	64	1,07	15	878,8
Азербайджан	21,7	39	1,03	25	747,6
Таджикистан	12,1	37	0,95	20	399,1

Украина	20,4	39	0,80	40	1040,5
Туркмения	18,7	60	0,63	20	1167

*\*Оценка автора.*

*\*\*По Китаю все показатели приведены для периода на десять лет раньше указанного.*

*Источники: World Bank, European Bank for Reconstruction and Development, Asian Development Bank.*

Эксперт, #35 от 21.09.1998

А кто лидирует среди бывших советских республик по уровню производства в сравнении с предкризисным? Первое место занимает Узбекистан (86% от уровня 1989 года), второе - Эстония (76%), третье - Белоруссия (66%), хотя Узбекистан и Белоруссия имеют чуть ли не самые низкие показатели либерализации экономики (оценка ЕБРР, см. таблицу 1).

Белоруссия, кстати сказать, в 1997 году стала самой быстрорастущей в Европе (прирост ВВП составил 10%). Да, это официальная статистика, которая, возможно, завышает темпы роста. Да, это может быть рост без особой структурной перестройки, то есть такой, за который придется расплачиваться в будущем. Да, экономика Белоруссии субсидируется Россией. И наконец, белорусский рубль рухнул в начале 1998 года. Но все же на фоне 0,4% прироста в либерализованной российской экономике 10% в нелиберализованной Белоруссии, обделенной к тому же нефтью и газом, смотрятся как вызов "традиционной мудрости".

В-четвертых, среди стран Восточной Европы успехи в экономике тоже не всегда соответствуют уровню либерализации. Так, Венгрия - один из трех лидеров в либерализации наряду с Польшей и Словенией - имеет более низкие темпы роста и уровень производства относительно докризисного, нежели заметно отстающие в либерализации Чехия и Словакия.

Эти и другие несоответствия фактически разрушают общую схему, согласно которой прогресс в либерализации должен приносить экономические дивиденды (ограниченный спад и быстрое восстановление производства).

С другой стороны, статистический анализ показывает, что два элементарных факта - принадлежность к бывшему СССР и участие в военных конфликтах - оказываются более информативными для предсказания уровня производства после рыночных реформ, нежели индекс либерализации ЕБРР. Инфляция, правда, остается статистически значимой переменной (выше инфляция - хуже динамика ВВП) даже при включении в анализ показателей либерализации, военных конфликтов и принадлежности к бывшему СССР. Однако это, что называется, не тянет на солидный научный результат. Теперь уже каждый школьник знает, что высокая инфляция - враг экономического роста.

Таким образом, сформулированы как минимум два вопроса, требующие ответа. Почему бывшие советские республики платят за рыночные реформы падением производства? Если не либерализация, то что же определяет динамику ВВП, или, иначе говоря, какие именно параметры экономической политики, помимо макроэкономической (основной результат которой низкая инфляция), больше всего влияют на успех экономической трансформации? Начнем с первого.

### Тень прошлого

Для приблизительной количественной оценки диспропорций, унаследованных от планового хозяйства, постараемся более точно определить, что под этим понимается.

**Уровень военных расходов.** Во многих социалистических странах доля расходов на оборону в ВВП намного превышала аналогичные показатели в рыночных экономиках со схожим уровнем развития. Конверсия военной промышленности, как известно, сопряжена с временным падением общего объема производства - такое падение наблюдалось, скажем, в 1945-1946 годах во всех странах - участницах второй мировой войны, от Японии и США до СССР. Хотя падение военного производства не приводило к сокращению личного потребления, оно какое-то время не компенсировалось ростом выпуска гражданской продукции и потому вело к снижению общего объема выпуска. Логично предположить, что масштабы трансформационного спада среди прочего зависят и от дореформенного уровня военных расходов.

Статистика подтверждает эту гипотезу. Несоответствия, однако, тоже бросаются в глаза: во Вьетнаме отмечен почти такой же высокий рост производства, как и в Китае, хотя доля военных расходов в ВВП в двух странах различалась накануне рыночных реформ в три раза.

**Отраслевые диспропорции.** Известно, что плановые экономики были чрезмерно индустриализированы за счет недостаточного (в сравнении с рыночными) развития сферы услуг, особенно таких отраслей, как торговля, банки, финансовые и страховые услуги. Перемещение ресурсов из промышленности в сферу услуг - важнейшая причина падения производства. Следовательно, различия в масштабах падения производства должны быть отчасти связаны с величиной отраслевых диспропорций накануне реформ.

Определенная связь между глубиной падения производства и экономической структурой действительно наблюдается: чем больше сумма отклонений долей промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг от соответствующих долей в рыночных экономиках со схожим уровнем ВВП на душу населения, тем больше падение производства.

Конечно, фактическая величина диспропорций намного больше, чем рассчитанные отклонения по трем макроотраслям народного хозяйства, поскольку эти диспропорции существовали также и на более низких уровнях, то есть внутри промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг. Так, в странах, богатых природными ресурсами, внутри индустриального сектора существовал огромный разрыв в эффективности между сырьевыми отраслями и машиностроением. Высокая доля машиностроения в ВВП (еще более высокая в занятости) в таких странах была явной аномалией, которую следовало исправить, что фактически и было сделано при переходе к рынку и новым ценовым соотношениям.

**Таблица 2. Доля промышленности в ВВП и доля машиностроения и сырьевых отраслей в промышленной продукции, %**

Эксперт, 1998

[оглавление](#)

**Таблица 2. Доля промышленности в ВВП и доля машиностроения и сырьевых отраслей в промышленной продукции, %**

Страны	Доля промышленности в ВВП в 1991 г.	Доля машиностроения и сырьевых отраслей в промышленной продукции в 1993 г.	
		Сырьевые отрасли*	Машиностроение
Болгария	36	23	16
Хорватия		18**	12**
Чехия	47	30	18

Венгрия	29	25	16
Польша	36	29	21
Румыния	40	24	19
Словакия	53	36	16
Словения	40		
Эстония	35	20	9
Латвия	38	25	16
Литва	45	21	12
Белоруссия	40	25	22
Россия	39	46	20
Казахстан	29	54	10
Украина	31	48	16
Узбекистан	26	33	10

*\*Электроэнергетика, топливная, черная и цветная металлургия.  
\*\*1995 год.*

*Источники: Economic Commission for Europe. Economic Survey of Europe in 1995-1996. United Nations, Geneva, 1996; Statistical Handbook 1995. States of the Former USSR. Studies of Economies in Transformation, World Bank, 1995.*

Эксперт, #35 от 21.09.1998

**Диспропорции во внешней торговле.** Степень открытости социалистических экономик, измеряемая долей внешней торговли в ВВП, согласно распространенному мнению, существенно отличалась от степени открытости рыночных экономик схожего размера (по объему ВВП) и уровня развития (ВВП на душу населения). Однако в действительности не все социалистические экономики были более закрытыми. Во многих из них внешняя торговля была относительно более значимой, чем в аналогичных рыночных экономиках, если принять во внимание торговлю между республиками, которые впоследствии стали самостоятельными государствами. Десять из двадцати восьми социалистических экономик, даже учитывая ту часть внутренней торговли, которая затем стала международной, действительно были закрытыми (доля внешней торговли в ВВП на 6-25 процентных пунктов ниже "нормы"), однако в девяти из них (в республиках бывшей Югославии и Чехословакии, в Азербайджане, Белоруссии, Венгрии, Вьетнаме) доля внешнеторгового оборота в ВВП на 5-20 процентных пунктов превышала "норму".

При прочих равных условиях страны с более развитой внешней торговлей должны были испытать меньшее сокращение производства при открытии своей экономики, чем страны, в которых внешняя торговля по отношению к ВВП была ниже "нормы" и в которых, соответственно, большая часть экономики не была подвержена международной конкуренции.

Тем не менее, как это часто бывает, прочие условия были далеко не равны, так что высокая доля внешней торговли в ВВП сама по себе часто не улучшала, а ухудшала стартовые условия, поскольку структура торговли была весьма далека от нормальной рыночной.

Наибольшие диспропорции наблюдались в структуре торговых потоков между

республиками бывшего СССР, так как внутрисоветские цены существенно отличались от цен мирового рынка (на сырьевые товары - занижены, на готовые изделия - завышены). Если торговые потоки между республиками бывшего СССР пересчитать по мировым ценам, то оказывается, что в 1989 году Россия была единственной страной с положительным сальдо внешней и межреспубликанской торговли (актив в 6% ВВП), тогда как десять из оставшихся четырнадцати республик имели неприемлемо высокие по меркам независимых стран торговые дефициты (от 9 до 30% ВВП).

Переход на мировые цены в межреспубликанской торговле (мгновенный для Прибалтики в 1992 году и постепенный для стран СНГ в 1992-1995 годах), как и ожидалось, привел к коллапсу торговли в постсоветском пространстве, поскольку у республик не было средств для финансирования резко возросших дефицитов. Так, торговля России с бывшими советскими республиками сократилась с 13% ВВП в конце 80-х годов до 4% в 1995-1996 годах.

Между совокупными диспропорциями в торговле и динамикой ВВП в переходный период

существует довольно тесная взаимосвязь: чем больше диспропорции накануне реформ, тем хуже динамика ВВП.

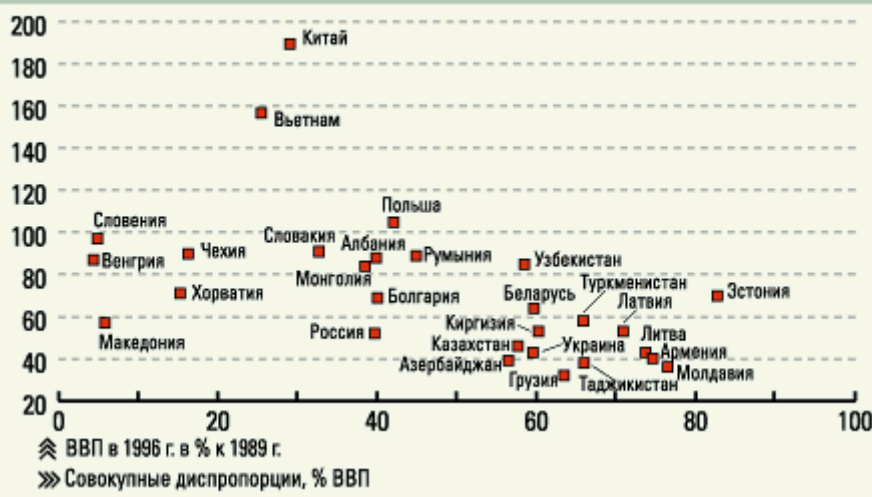
Если же все перечисленные диспропорции - и в торговле, и в структуре хозяйства - сложить вместе, что допустимо, так как все они выражены в процентах к ВВП, то зависимость между этим агрегатным показателем диспропорций накануне реформ и падением производства в период реформ просматривается довольно четко, особенно если исключить страны, пострадавшие от войн (см. график 1).

**Другие диспропорции.** К ним

относятся многочисленные диспропорции на микроуровне, связанные, например, с размером и специализацией предприятий. Множество предприятий в странах с плановой экономикой были слишком крупными и низкоспециализированными: они производили широкий перечень продукции и услуг, которые зачастую были слабо связаны или вообще не связаны с их основным профилем. Концентрация производства на крупных неспециализированных предприятиях вытекала из самой природы плановой системы - из физической неспособности плановых органов просчитать межотраслевые балансы для многих миллионов видов продукции и услуг и многих тысяч предприятий. Это порождало сознательное и бессознательное стремление плановиков к гигантомании и самообеспеченности на всех уровнях организационных структур - от заводов и колхозов до отраслей и регионов. Эти диспропорции, созданные десятилетиями централизованного планирования и "овеществленные" в основных фондах, сделали крупные предприятия труднореформируемыми.

Диспропорции на микроуровне, однако, трудно оценить количественно. Можно предположить, что крупные предприятия нуждаются в более капитальной структурной перестройке, что сопряжено с большим падением объема производства. Поэтому в странах с высокой долей относительно мелких предприятий (в Болгарии, Венгрии, Вьетнаме, Китае, на Кубе, в Монголии, Польше, бывшей Югославии, где на предприятия с числом занятых менее 500 приходилось 25% и более всех занятых в промышленности) снижение выпуска

**Совокупные диспропорции в структуре экономики и во внешней торговле и динамика ВВП**



продукции при прочих равных условиях должно быть менее значительным, чем в Чехии, Словакии, Румынии и республиках бывшего СССР, где более половины занятых в промышленности работали на предприятиях с численностью персонала более 1000 человек.

**"Преимущества отсталости"**. Бедным странам легче поддерживать более высокие темпы роста, чем богатым, поскольку первые могут заимствовать технологические и другие достижения вторых через международный обмен. Применительно к переходным экономикам аргумент о "преимуществах отсталости" имеет дополнительное измерение. Чем более развитой в прошлой "плановой жизни" была экономика, тем выше была капиталовооруженность, тем в большей степени диспропорции, создаваемые планированием, овеществлялись в основных фондах.

Диспропорции в отраслевой структуре и во внешней торговле, как и диспропорции на микроуровне - в размере и специализации предприятий, тем труднее преодолеть, чем больше они материализованы в основных фондах. Если последние вообще нельзя перепрофилировать, а можно только заменить, то общество фактически несет потери, эквивалентные нескольким годовым объемам ВВП (скажем, трем, если капиталоемкость производства, отношение основных фондов к ВВП, равна трем). Можно поэтому предположить, что относительно бедные сельскохозяйственные страны (Вьетнам и Китай, в известной мере Албания и Монголия) имели преимущества по сравнению с более развитыми, поскольку их примитивный основной капитал был менее подвержен деформациям, а даже если и был деформирован и подлежал замене, то по стоимости составлял меньшую часть ВВП и инвестиций. Китайские коммуны в 1979 году оказалось возможным "раздать на огороды" без ущерба для технологии и эффективности. Советские же колхозы и совхозы базировались на централизованной инфраструктуре (от жилья до хранилищ и ремонтной базы), большая часть которой при переходе к семейным фермам неизбежно превращалась в груды металлолома.

В китайской промышленности успех зиждился на вновь создаваемых предприятиях (в основном мелких и средних, относительно малокапиталоемких), а крупные капиталоемкие госпредприятия до сих пор остаются "узким местом" его экономики. Можно сказать, что в Китае, где диспропорции плановой системы не были увековечены "в металле", выгоды

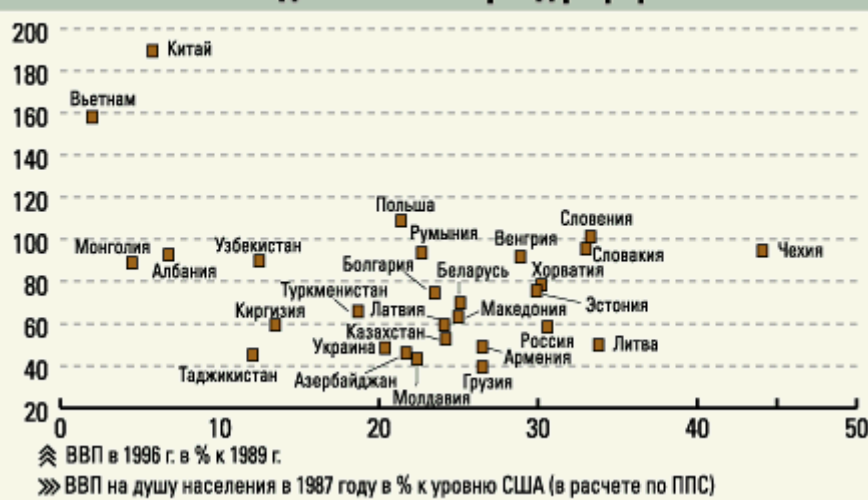
рынка сказались бы сразу при любом варианте перехода, будь то постепенные реформы или шокотерапия (как во Вьетнаме).

Известная, хотя и слабая, корреляция между уровнем развития (ВВП на душу населения) и динамикой производства при переходе к рынку просматривается. В сочетании же с другими факторами уровень развития всегда оказывается значимой переменной среди факторов, воздействующих на динамику выпуска (см. график 2).

**Объективные факторы и экономическая политика.** Три показателя, характеризующие объективные условия, - совокупные

диспропорции в структуре экономики и во внешней торговле, уровень ВВП на душу населения и вовлеченность в военные конфликты - объясняют 63% вариаций в динамике производства в 1989-1996 годах: чем выше диспропорции и уровень развития, тем больше

**Предреформенный уровень ВВП и его динамика в период реформ**





падение производства. Что особенно важно, диспропорции полностью улавливают "эффект СССР". Другими словами, большее падение производства в странах бывшего СССР объясняется высокими диспропорциями в структуре экономики и во внешней торговле. Среди стран с незначительными диспропорциями (менее 30% ВВП), то есть с выгодными стартовыми условиями, республики бывшей Югославии (Словения, Хорватия, Македония), Чехия и Словакия, Венгрия, Китай и Вьетнам. Все эти страны, исключая Македонию, пострадавшую от войны и блокады, имеют лучшую динамику ВВП, чем большинство остальных.

С другой стороны, среди стран с высокими диспропорциями (более 50% ВВП) все республики бывшего Советского Союза за исключением России (в которой диспропорции составили 39% ВВП) в основном отстают от Восточной Европы по темпам восстановления производства.

Что же касается факторов экономической политики, то воздействие инфляции ощутимо и бесспорно. А вот роль либерализации, говоря осторожно, остается неясной. Ни подтвердить, ни однозначно опровергнуть такое воздействие методами статистического анализа не представляется возможным. Исследования, обнаруживающие связь между изменением ВВП и индексом либерализации без учета различий в стартовых условиях, ничего не доказывают, поскольку при элементарном учете этих стартовых условий связь пропадает.

### Выводы

Около 80% вариаций в динамике ВВП в переходный период объясняется, во-первых, объективными причинами, такими как диспропорции планового хозяйства, "преимущества отсталости", военные конфликты; во-вторых, различиями в уровнях инфляции. Темпы либерализации переходных экономик особого значения не имеют.

Не слишком ли просто и безнадежно? Получается, что неодинаковые экономические итоги трансформации предрешены судьбой (наследием плановой системы и уровнем развития), а правительство и центральный банк ничего, кроме поддержания низких темпов инфляции, не может сделать, чтобы ограничить спад производства?

Разумеется, это преднамеренное упрощение, призванное показать, что традиционная трактовка "хорошей" и "плохой" экономической политики на деле либо неверна (либерализация экономики тождественна росту), либо сводит дело к тривиальным истинам (низкая инфляция способствует росту). Реальная картина, конечно, сложнее: успех трансформации определяется не темпами либерализации и не только "правильной" макроэкономической политикой, но и способностью государства обеспечить сильные институты, без которых рыночная экономика, сколь бы либеральной она ни была, не работает. Эту институциональную составляющую "правильной" политики фактически рассмотрели и шокотерапевты, и градуалисты.

Эксперт, #35 от 21.09.1998

